Москва
Театры

28/VIII-90

АНКЕТА «ПРАВДЫ»

Правда. - 1990 - 26 авг. - С. 3.

Лето и первый месяц осени — своего рода водораздел между закончившимся театральным сезоном и новым, которому предстоит прийти ему на смену. В это время, когда минувшее видится на некотором удалении и нас еще не взяли в плен новые театральные сенсации и заботы, удобнее всего подвести итоги прошедшего сезона в Москве.

Как живешь, театр?

Театры Москвы

Мнения нескольких исповедующих разные театральные убеждения людей всегда интереснее, чем одна, пусть даже безупречно аргументированная точка зрения. Различаясь, они дают пищу для размышлений, совпадая, указывают на то принципиальное, что собеседникам удалось нащупать в жизни театра. Рассчитывая на это, мы попросили ответить на наши вопросы известных режиссеров и критиков. Спрашивали их о том, что изменилось к лучшему в театре, а что к худшему, что характерно для установившейся нравственной атмосферы. Попросили назвать лучшие, на их взгляд, режиссерские и актерские работы.

Итак, ответы на анкету «Правды».

Марк Захаров, главный режиссер Московского театра Ленинского комсомола:

▲ **НЕ ПРОСИТЬ, А ЗАРАБАТЫВАТЬ.** По-моему, в прошедшем сезоне наши драматурги осознали страшное: они вступили в реальную конкуренцию со всеми сочинителями прошлого и настоящего. Любое произведение русской и зарубежной литературы, изданное в любой точке планеты, может быть теперь поставлено в любом театре страны. Но это не все. Любимые наши зрители израсходовали столько нервных и психических ресурсов на ужасы отечественной истории, торговли, конкурсы красоты и жаркие политические баталии у дымящихся телевизоров, что сил на театр значительно поубавилось. Далеко не всем театрам удалось благополучно выйти из режима застойных времен, когда отсутствовало нынешнее количество развлечений, а жесточайший цензурный молох поощрял не искусство, а его имитацию.

К худшему у нас изменилось все, но появилось нечто новое, неопознанное — свобода творчества. Пользуясь свободой, хочется сразу просить у государства увеличения символических дотаций на театральную культуру. Путем длительной селекции нашим государством выведена генерация безынициативных иждивенцев, предпринимательские гены которых безжалостно уничтожены. Пополнять многомиллионные ряды просителей не хочется. Бессмысленно. Если в ближайшие месяцы не будут введены изменения в налоговую политику и правовую защиту индивидуальной собственности,— переход к эффективной рыночной политике не состоится, несмотря на все заклинания. Мы будем планомерно ухудшать экономическое положение страны, а, стало быть, деградировать в области культуры, ибо только богатое государство может эффективно стимулировать свое культурное созидание.

Репертуарный театр с постоянной труппой не может быть самоокупаемым, что давно доказано мировой практикой. Похоже, многие наши недомства этого не понимают. В московском Ленкоме менее восьмисот мест. Чтобы сводить концы с концами, мы обязаны гастролировать в больших залах, куда нас охотно приглашают, однако статья 33 нового Закона о налогах окончательно лишает нас такой возможности.

Вообще любой преуспевающий деятель искусства, которому отпущено судьбой несколько лет народной любви и популярности, согласно новому Закону о налогах, вынужден будет резко снизить интенсивность своего труда. Впрочем, остаются еще две альтернативы: с помощью умелых менеджеров научиться скрывать свои доходы, что в обстановке массового воровства на бытовом и государственном уровнях сделать несложно. (Беда только, что поведенческие нормы передаются генетически, стало быть это — удар по нравственному потенциалу наших детей.) Вторая возможность: упорно нащупывать пути к работе за рубежом, где тонко разработанная налоговая политика не убивает, а стимулирует.

Если говорить о большинстве театров страны,— они вступили ныне в полосу тяжелейшего кризиса, когда артисты неудержимо перемещаются за черту бедности.

Подобно неустойчивым элементам из таблицы Менделеева, театр всегда стремится к распаду. К традиционным профессиональным заболеваниям сегодня прибавились новые, такие, например, как псевдодемократические устремления. С большим трудом воспринимаются многими деятелями театра любые попытки уйти от уравнительной системы в оплате труда. Психика артистов отчаянно сопротивляется. Кроме психики, сопротивляется Министерство финансов.

Продолжают действовать разного рода ограничения по фонам и тарифным ставкам. Затраты на новые спектакли с каждым днем возрастают. Очень трудно осознать, что количество выпускаемых спектаклей должно сокращаться, ибо современного, перенасыщенного информацией зрителя по-настоящему интересуют лишь те спектакли, что отличаются новыми театральными идеями и, конечно, творческим озарением, которое, увы, не всегда посещает нас в назначенный срок.

Полагаю, что лучшие актерские работы сезона принадлежат Е. Леонову в роли Тёвье-молочника («Поминальная молитва» в московском Ленкоме) и О. Борисову («Павел I» в Центральном театре Советской Армии.)

О лучших режиссерских работах как президент недавно созданной Всесоюзной ассоциации театральных режиссеров хочу хранить загадочное молчание.

Наталья Крымова, доктор искусствоведения:

▲ **НО КОММЕРЦИЯ НЕ СРОДНИ ИСКУССТВУ.** Когда общество больно,— болен и театр. Болезнь театра в массовом равнодушии к работе, то есть к творчеству, в потере художественных ориентиров. К сожалению, для всех желанное развитие международных контактов в какой-то степени удовлетворяет материальные интересы актеров и режиссеров, но пока не повышает уровня их культуры.

Удивляет уверенность, что «рыночные отношения» имеют прямую связь с искусством. Эта связь ложна и не всегда хороша. Забыта традиция искусства — противостояние всяческой разрухе. Театр впустил эту разруху внутрь себя.

К худшему изменилось то, что от вышеуказанных болезней театр не нашел лекарства.

Если само понятие нравственности и этики не поменяло своего значения со времен Станиславского, то для сегодняшнего дня вообще характерно отсутствие нравственно-этической атмосферы. Это тоже болезнь театра, как и всего общества.

Лучшие актерские работы сезона показали, на мой взгляд, Е. Леонов в роли Тёвье-молочника («Поминальная молитва» М. Захарова в театре Ленинского комсомола) и В. Волков, сыгравший Гаева в «Вишневом саде» молодого режиссера Л. Трушкина, работающего с «вольной труппой». К их числу относится и роль О. Меньшикова в «Калигуле», спектакле, поставленном П. Фоменко в Театре им. Моссовета.

Лучшие режиссерские работы — «Тевье-молочник» М. Захарова,— когда режиссер проявляет волю и не позволяет актерам играть механически и растаскивать спектакль на эстрадные репризы, и «Розенкранц» и Гильденстерн мертвы» Е. Арье. Трудно сказать, как будет выглядеть этот спектакль в следующем сезоне без строгого режиссерского глаза, так как Арье навсегда уезжает за рубеж.

Ярких дебютов в этом году я не видела.

Андрей Гончаров, главный режиссер Московского академического театра им. Вл. Маяковского:

▲ **О КАКОЙ ЭТИКЕ МОЖЕТ ИДТИ РЕЧЬ?..** Главная особенность прошедшего сезона в том, что мы забыли о приоритете отечественной театральной школы. А ведь это то немногое, что уцелело от нашей культуры. Мы разбазариваем национальное достояние русского театра и приходим в восторг, когда спектакли, поставленные в его традициях, приносят к нам со стороны — я имею в виду гастроли театра Петера Штайна. Сами же пытаемся подражать тому, чем уже давно переболел западный театр, и засоряем сцены плохо усвоенным, зачастую просто бездарным модерном.

Но есть и другая тенденция сезона — она меня радует. Слава богу, что наметился отход от повальной политизации нескольких предыдущих лет в сторону психологического театра, рассказывающего о человеке.

Что изменилось к худшему?.. Губительна определившаяся в последнее время имущественная дифференциация между актерами. «Звезды» не подчиняются жизни коллектива. Более того, они становятся его бедой. Беда — их связи с кинематографом, телевидением, радио, где они готовы играть любые роли. Беда — их участие в приносящих бешеные деньги кооперативных концертах. Боже мой, эти концерты — настоящий бич сегодняшнего театра.

А основная актерская масса бедствует, придавлена заботами о завтрашнем дне и из-за этого боится упустить любой шанс в смежном массовом искусстве. Меня тревожит значительно усилившийся нажим массовой культуры на театр. Стене необходимо размежеваться с ней или же это приведет к гибели театра и к пагубным последствиям для самих «звезд» — ведь русский театр интересен всему миру благодаря сохраняющим его традициям, сложившимся в течение веков укладу.

Но мне хочется сказать и о том, что изменилось к лучшему. От души радует, что в этом сезоне как мыльные пузыри лопнули несколько студий, которые внесли в театральное искусство дурновкусие и дилетантизм. Сейчас пользуются успехом те из них, кто обладает высокой театральной культурой, к примеру, студия «Человек», за плечами которой мхатовская школа.

А что до нравственной атмосферы... Да полно, о какой нравственности, о какой этике сейчас вообще может идти речь! Нравственные принципы, на которых держался русский театр, разрушены, чему посчастливилось уцелеть — разрушается. Сегодня считается непрестижным работать в СССР. Под лозунгом международных связей на Запад вывозят зачастую откровенно непрофессиональные театральные поделки. Критика шарахается из одной крайности в другую, не имея ни собственной позиции, ни принципов суждения. «Эмиссары» СТД заняты в основном организацией собственных зарубежных поездок для пропаганды системы Станиславского, в которой они, по-моему, ничего не смыслят.

К театру надо относиться, как к религии. В противном случае искусства вообще не будет, и за океаном сильно поубавится желающих принять наших открывателей Америки. Америку интересует русское национальное искусство, а не скверная копия того, что на Западе отлично умеют делать и без нас.

О лучших режиссерских работах я судить не берусь, а из актерских — это, на мой взгляд, роль Леонова в «Поминальной молитве» М. Захарова, роль, в которую артист вложил человеческую судьбу, и «Павел I» О. Борисова в спектакле Л. Хейфеца. Из режиссерских дебютов я бы отметил работу моей ученицы Т. Ахрамковой, поставившей в нашем театре «Безумцев» Лопе де Вега — это уже третий ее спектакль.

Инна Соловьева, доктор искусствоведения:

▲ **НЕ ПРОПАДЕМ...** Особенность московского сезона — в дробности, разрозненности. Спектакли и роли не рифмуются, нет того, что можно бы назвать общим разговором. Отсюда, от разрозненности, от того, что никто никого не слушает,— дубли тематические и дубли приемов.

Событиями в прошедшем сезоне стали, на мой взгляд, роли Олега Борисова в «Павле I» ЦАТСА и Олега Меньшикова в «Калигуле». Драмы Мережковского и Альбера Камю, резкие философские вариации на мотивы истории равно дали двум лучшим актерам двух разных поколений собраться с духом, пойти в сценических решениях до конца. Обе работы и силой сложного замысла, и блеском техники, и безжалостной верностью и тайной, глубинной своей сердечностью возвращают и представляют об истинном театре, каким он может быть, и уже хочется пересмотреть свой ответ на первый вопрос. Может быть, особенность минувшего сезона в том, как эти двое, Борисов и Меньшиков, вопреки общему режиму экономии сил и циническому холоду, явили себя мастерами самоотдачи, почитая за основу профессии жизнь «на разрыв аорты» при изощренной и обдуманной форме.

Если затруднюсь, какой дебют года поставить выше иных, то не потому ли, что в большинстве видишь пока лишь энергию предъявления себя, а не значимость художественного высказывания. Я бы рискнула назвать спектакль украинской студии «Вудьмо». Многозначный драматизм, с каким научит здесь дума о братстве и жертве, выделяет спектакль из многих студийных экспериментов.

Из того, что изменилось к худшему, особенно тревожно падение дара партнерства. Речь не о том лишь, что нет блестящих сценических дуэтов,— в театре разучиваются быть заодно в своем деле. Добро бы — воля к дифференциации, к самоопределению, оформлению собственной художественной сути чаще — смесь безразличия друг к другу с нетерпимостью.

Для нравственной атмосферы в театре характерно выравнивание с атмосферой общей. То есть многое спускают себе, говоря: сейчас все так. Не буду спорить — все ли так. Но артист не должен быть как все. Скоморох или священнослужитель прекрасного, артист имеет иные законы. Поверим в этом Пушкину: «Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе».

Безобразна вопиющая в театр суета и вылезшая на поверхность вражда. Безобразна поспешная, бедная коммерциализация. Но коли хотя бы в двух актерских созданиях, вопреки общему тяп-ляп и недострою, можно видеть благородную выправку и душу мастера, значит, не пропадем.

Борис Львов-Анохин, народный артист РСФСР:

▲ **СПАСЕНИЕ — В РАБОТЕ.** Для прошедшего сезона было характерно появление пустых или полупустых залов в большинстве театров. Это возмездие. Театр перестал быть храмом и опустел.

Вы хотите знать, что изменилось к худшему? Все, буквально все, что касается жизни театра.

Для него сейчас характерно падение, а то и попрание всех этических основ. А некоторые коллективы просто представляют собой театральный Нагорный Карабах.

Прошу прощения за горечь ответов. Выход один — по мере сил работать так, чтобы постепенно восстановить достоинство искусства.

В этом году я видел далеко не все. С удовольствием смотрел мастерскую режиссерскую композицию П. Фоменко в «Калигуле». Мне был интересен не только виртуозный О. Меньшиков в заглавной роли, но и все остальные участники спектакля. Свидетелем интересных актерских и режиссерских дебютов я, к сожалению, не был.

Анкету вел
А. ФИЛИППОВ